

МОТИВАЦИОННО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ НАРКОКУЛЬТУРЫ

DOI: 10.25629/НС.2019.09.06

Галаганова С.Г., Мананникова Д.А.Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
Москва, Россия

Аннотация. Явление наркотизма представляет собой не только деятельность по производству, распространению и потреблению наркотических веществ, но и культурно-психологический феномен со своими ценностями и мотивациями. Поэтому и борьба с этим социальным злом должна вестись одновременно на всех возможных направлениях, и прежде всего, по линии разрушения его культурного фундамента. Функционируя и развиваясь как целостная система, наркокультура отличается внутренней неоднородностью: в ней можно выделить несколько основных аксиологических комплексов, мотивирующих употребление наркотиков (наркопрактику). К их числу относятся эзотерическая, эстетическая, демонстрационная, гедонистическая и социально-протестная парадигмы. Последовательно рассматривая каждую из них, автор в то же время подчёркивает их тесную взаимосвязь и взаимообусловленность в поведении наркозависимых личностей. Отдельное внимание обращается в статье на проблему целенаправленного формирования наркокультуры при помощи современных манипулятивных технологий, на непосредственную зависимость её контента от финансовых интересов фармацевтических компаний. Результативность борьбы с наркокультурой поставлена автором в непосредственную зависимость от воспитания наркоустойчивой личности, в связи с чем в статье даётся критическая оценка практики разделения образования и воспитания в российской школе.

Ключевые слова. Наркотизм, наркокультура, наркозависимость, наркоопыт, наркопрактика, наркомотивация, наркоустойчивость.

Введение

В настоящее время уже ни у кого не вызывает сомнения факт принадлежности наркотизма (включающего изготовление, распространение и потребление наркотических веществ) к феноменам культуры, со своей идеологией, мифами, стереотипами, духовными и психологическими установками. Поэтому и борьба с этим смертоносным социальным злом должна вестись одновременно на всех возможных направлениях, и прежде всего, по линии разрушения его культурного фундамента. В последние годы тема наркокультуры плодотворно разрабатывается многими российскими учёными. При этом объект исследования в основном предстаёт как единая целостная система с общими типологическими характеристиками – мифологическими и мифогенетическими [1], эстетическими и философскими [12]. Соответствующим образом исследуется и носитель наркокультуры – наркозависимая личность. Между тем не менее важным представляется учёт внутренней дифференцированности наркокультуры, выделение и исследование её, хоть и взаимосвязанных, но, тем не менее, весьма различных ценностно-мотивационных парадигм. В аналогичной типологии нуждается и столь же вариативная наркозависимая личность. Только такой «адресный», таргетированный подход позволит сделать борьбу с наркотизмом результативной, ибо невозможно эффективно воздействовать на несколько качественно различных объектов, представляя их как единое целое, даже если у них имеется общая основа (в данном случае – замешанная на эгоцентризме эскапистская идея). По этой же причине не будет иметь эффекта и противопоставление наркотизму иной идейной парадигмы, будь то религиозная сотериология, или эстетика здорового образа жизни, ведь сначала нужно развенчать ценности и «расшатать» мотивацию употребления наркотиков, а они весьма различны у разных людей.

Исследование и обсуждение его результатов

В нарकोкультуре как целостном феномене можно выделить несколько основных аксиологических комплексов (парадигм), доминирующих в мотивации употребления наркотиков различными типами личности. Несмотря на их тесную взаимосвязь и взаимообусловленность в реальной наркопрактике, изучение особенностей каждой из них является необходимым условием результативного воздействия на процесс наркомотивации.

Первую мотивационную парадигму можно условно назвать эзотерической (а также религиозной или духовной). К употреблению наркотических веществ человека в данном случае толкает духовный поиск – поиск путей достижения качественно иного, более высокого состояния сознания, «ментального раскрепощения», соединения с некой высшей духовной субстанцией. Описания подобных состояний присутствуют во всех мировых религиях; соответствующие свидетельства оставлены и святыми православными аскетами (например, Симеоном Новым Богословом). При этом различия аскетических практик не заслоняют главной общей идеи: взрастить в себе новую свободную личность, вырвавшись из плена своих желаний, возможно только тяжелейшим духовным трудом – подвигом самоограничения, самоочищения, терпения, смирения, молитвы. Этот путь долог и труден, к нему готов далеко не каждый, для этого нужно иметь глубокую веру и сильную волю. Наркотик же «чудесным образом» избавляет от всего этого: укол, глоток, несколько затяжек – и ты уже «в раю», в состоянии эйфории. Именно это состояние, вызванное психоактивным веществом, принимается за божественную благодать, откровение, просветление, озарение. Между тем любые магические практики (тем более, сопряжённые с приёмом галлюциногенов) трактуются всеми религиями как самообман, весьма опасный для человеческой психики.

В основе эзотерической мотивации, в свою очередь, могут лежать, как минимум, три более конкретные причины. Во-первых, самообман неудачника, желающего выдать свою несостоятельность за «особенность», принадлежность к «избранным». Такие люди, как правило, жаждут обретения не столько изменённых состояний сознания, сколько сверхъестественных способностей, которые они смогут продемонстрировать окружающим в подтверждение своей «необыкновенности». Во-вторых, романтика поиска, побег от обыденности и скуки, духовный нонконформизм. Употребление наркотиков в данном случае представляет собой попытку убежать от «серости» жизни в сказку – «прекрасный», «таинственный», «настоящий» мир. Наконец, есть и ещё одна (сравнительно редкая) причина – реальное ощущение духовного тупика. Это та ситуация, когда умный, духовно чуткий, «думающий» человек, относительно быстро и легко достигший своим трудом жизненного успеха, задаёт себе простой вопрос: «И что же дальше?» Он не может согласиться с тем, что именно ради этого успеха он пришёл в этот мир, он хочет открыть высший, подлинный смысл своего существования, он интуитивно чувствует присутствие иного мира и начинает поиски желанной «двери». С этой целью многие молодые россияне устремляются в индийские ашрамы, где постигают премудрости эзотерических школ Востока под руководством духовных наставников [6, с. 91–104]. Однако нередко искатели «тайного знания» (и в Индии, и в России) становятся добычей ловких мошенников, выдающих себя за аватар (людей, в которых проявилось божество) и за солидные суммы (якобы на содержание «ашрама») раздающих всем желающим Мукти (просветление) и Мокшу (освобождение) при помощи наркотиков.

Понятно, что наркозависимому «эзотерику» перспектива здорового образа жизни или творческого труда вряд ли покажется привлекательной. Разговор с ним должен быть созвучен его интуитивно-мистическому взгляду на мир, он должен вестись на языке духовной аскетики – о жизни и смерти, о понятии «прелесть» (от глагола «прельщать») и её «субъекте», об истинном богопознании и богооткровении, которое «силою берётся, и употребляющие усилие восхищают его» [12, с. 56], о том, что богословский термин «покаяние» дословно переводится с древнегреческого как «исправление мыслей», «изменение сознания».

Духовная парадигма наркомотивации неразрывно связана с эстетической. Эстетизирующая наркоопыт в качестве атрибута «особых» личностей, стоящих выше «примитивного» социума, эта аксиологическая установка отличается особой притягательностью и устойчивостью. Ещё в

середине прошлого века наркотики стали – сначала на Западе, а потом и у нас – символом “раскованного” богемно-хипстерского образа и стиля жизни. Этому в значительной степени способствовали яркие, талантливые произведения Карлоса Кастанеды, Теренса Маккенны, Тимоти Лири и других “гуру” тогдашней молодёжной “психоделической революции” [4, 5, 7, 8, 9, 17, 18, 19]. Тайно привозимые в нашу страну и передаваемые из рук в руки, они стали невольными вдохновителями многих искателей “свободы” при помощи “травки” (марихуаны) и “кислоты” (галлюциногенного наркотика ЛСД). “Борьба” с ними велась и продолжает вестись в форме “критики” с точки зрения либо здорового, законопослушного и благополучного обывателя, либо православного христианина. Однако “покачнуть” эстетику наркоопыта, пропитывающую “Невидимый ландшафт” [18], “Путешествие в Икстлан” [5] или “Историю будущего” [9], под силу лишь автору, обладающему сопоставимым литературным талантом. И пока он не появится, всё новые, не желающие “плыть по течению”, молодые люди будут искушаться поисками “отдельной реальности” при помощи галлюциногенов.

К первым двум типам мотивации часто примыкает парадигма, основанная на стремлении создать видимость или добиться самоощущения принадлежности к элитной “тусовке”. Эту парадигму можно назвать демонстрационной, поскольку в данном случае употребление наркотических веществ является формой демонстрации своего реального или воображаемого высокого социального статуса (“крутизна”). Ведь и в голливудских фильмах (а именно их смотрит молодёжь), и в реальной жизни наркотики часто фигурируют в качестве атрибута времяпрепровождения “золотой молодёжи”. И даже если речь идёт о таких фигурах, как Уинстон Черчилль или покойная супруга американского президента Рональда Рейгана (не говоря уже о биографиях актёров, художников, музыкантов), журналисты почему-то никак не могут удержаться от упоминания об этом пикантном грехе их молодости. “Настоящий человек эпохи Возрождения, мастер эпатажа, кокаинщик 35-летней давности, <...> объект лютой зависти”, – говорится об известном британском политическом деятеле Борисе Джонсоне [16, с. 5]. Ну, а если “кокаинщик” и “лютая зависть” соседствуют через запятую, то дальше начинают действовать законы подражания, сформулированные Габриэлем Тардом [15, 2].

Гедонистическая парадигма представляет собой естественное продолжение усиленно навязываемого рекламой образа жизни, получившего за рубежом название *existainment*. “Жизнь-развлечение”, “жизнь-удовольствие” – так можно перевести этот неологизм, соединивший английские слова *existence* (существование, жизнедеятельность) и *entertainment* (развлечение). Аналогичный смысл заключён в понятии *infotainment*, ставшим одним из главных принципов подачи медиainформации: информировать, забавляя, отвлекая реципиента от нежелательных размышлений по поводу сути транслируемого сообщения. В массовой школе (“для народа”) процветает *edutainment* – “развлекательное образование”, предполагающее обязательное сопровождение рассказа учителя абсолютно не требующимися картинками на экране, бесконечные “ролевые игры”, “суды” над историческими персонажами, “политические бои” и прочие “нескучные” формы обучения, препятствующие усвоению серьёзных, систематизированных знаний. В соответствии с законом возвышения потребностей, *existainment* требует всё более ярких впечатлений и всё более острых наслаждений, погоня за которыми часто толкает безвольного гедониста к смертельно опасным “путешествиям” (английским словом *trip* называется на языке наркокультуры время, проводимое под действием галлюциногенного наркотика).

Социально-протестная мотивация может быть, как вполне искренней, осознанной, так и маской, скрывающей (подчас и от самого протестанта) затянувшийся инфантилизм, неготовность брать на себя ответственность, привычку всё к той же “жизни в кайф” (который вдруг почему-то закончился). Протестный эскапизм в немалой степени стимулируется расхожими поучениями, что “мир во зле лежит” и “от нас ничего не зависит”. Восприятие тяжёлой жизненной ситуации как полной безысходности способно толкнуть человека к самоубийству, и смерть от “передозы” может предстать как наиболее лёгкий и приятный способ ухода из жизни, а наркопрактика по сути станет осознанным пролонгированным суицидом. Путь превращения “жертвы” в “борца” должен быть не только ментальным, но и социальным: идея “сопротивления злу силой”

должна подтверждаться общением с людьми, преодолевшими критические ситуации, “победившими мир”, противопоставившими социальному злу личное мужество и социальное созидание. В противном случае борьба с социальной несправедливостью может принять форму террора, как это неоднократно случалось в истории, в том числе, и российской [3].

Следует иметь в виду, что в мотивации реальной наркопрактики рассмотренные парадигмы, как правило, тесно переплетаются и представляют собой сложный “клубок” осознанного и подсознательного, реального и воображаемого, богомного и криминального. Поэтому анализ каждой из них в целях таргетированного подхода к наркозависимым пациентам отнюдь не исключает исследования наркокультуры как целостного феномена. Это в равной степени относится и к “психоделическим революциям”, символами которых выступают не только идеи, личности и лозунги, но и те или иные психоактивные вещества. Данный аспект истории наркокультуры рассмотрен в работах К.Г. Мяло [10], британского журналиста Стюарта Уолтона [20]. На примере сопротивления викторианским нормам морали в конце XIX века, молодёжного бунта против “Системы” 1960-х годов и других массовых социокультурных протестов авторы убедительно показали не только огромную роль “культовых” наркотиков в формировании конкретных контркультур, но и взаимообусловленность рассмотренных выше ценностно-мотивационных парадигм. Превращаясь в подобие мистического ритуала, употребление галлюциногенов одновременно воспринимается и как обязательное условие подлинного творчества, и единственно возможный способ бегства от бессмысленного функционирования в “буржуазной клетке”, и наивысшее из всех возможных наслаждений, и самое захватывающее приключение, и ключ от двери в сообщество “избранных”, и “перечёркивание” всех личных бед и проблем.

В XXI веке тема наркокультуры пополнилась ещё одной проблемой: исследователи обратили внимание на её всё более “рукотворно-заказной” характер. Заказчиком выступает фармацевтическая промышленность, производящая новые препараты для лечения “болезней информационной эпохи” – стрессов, депрессии, хронической усталости, бессонницы, состояний возбуждённости, тревожности, подавленности. Для успешной продажи этих препаратов требуется как можно больше потребителей, которых успешно “производят” врачи и консультанты-психологи. Человеку, скорбящему по поводу личной утраты или серьёзно расстроенному жизненной неудачей, автоматически ставится диагноз “депрессия” или (в лучшем случае) “посттравматическое стрессовое расстройство”. Задумчивому школьнику-флегматику с врождёнными замедленными реакциями выписывают пилюли для лечения “синдрома дефицита внимания”, непоседу-холерика (или просто “отвязанного”, невоспитанного ребёнка) объявляют “гиперактивным” и превращают в послушное “растение” при помощи риталина и аддерола. Лорин Слейтер, известный американский психолог и практикующий психотерапевт, доказывающая мифический характер двух последних “заболеваний” (от которых “лечат” и российских детей), обращает внимание на временное совпадение их “открытия” с началом производства соответствующих препаратов [14].

В основном же используются более тонкие манипулятивные технологии, нацеленные на ассоциативную привязку определённого препарата к привлекательному обобщённому образу – например, актрисы, “сидящей” на дорогах антидепрессантах (их называют joy pills – “таблетки радости”), или успешного бизнесмена, повышающего работоспособность при помощи пилюль-стимуляторов. Все эти препараты относятся к категории психоактивных, все они вызывают привыкание и на каком-то этапе могут стать ступенькой к употреблению настоящих наркотиков. Что касается последних, то следует иметь в виду их воздействие на авторов многих теорий и произведений, причисленных к бесспорным достижениям науки, литературы и искусства. Не пытаясь оспаривать эту принадлежность, мы в то же время не считаем корректным утаивание факта личной наркозависимости не только популярных «гуру» наркокультуры, но и З. Фрейда, Ф. Ницше, Ф.Г. Маринетти. Читатель имеет право знать, что и статьи о психоанализе (от которых Фрейд отказался в конце жизни), и откровения Заратустры, и эпатажный «Манифест футуризма» писались под воздействием наркотических препаратов, в изменённом психическом состоянии (что касается «Манифеста» Маринетти, то его текст нередко демонстрируется студентам медицинских вузов в качестве яркого примера наркотического бреда).

Однако борьба с наркокультурой не может замыкаться на ней самой – она не будет результативной без формирования “противоположного” типа личности, носительницы “антинаркотических” идеалов и ценностей. В зарубежных англоязычных публикациях её называют “наркоустойчивой” (drugproof), а присущие ей идеологию и психологию – “антинаркотизмом” (antinarcotism). Речь идёт о человеке с ясным разумом и чистой душой, деятельном, ответственном, стремящемся к осмысленной, созидательной жизни. Личность в основном формируется в школьные годы, и следует признать, что современная российская школа формированию наркоустойчивости, к сожалению, не способствует. Она не только не учит гибкому, логическому, критическому мышлению – она не учит мыслить вообще, поскольку из программы исключены предметы, которые развивают мышление и “учат жить” (философия, логика, психология, полноценные курсы литературы, поэзии). Не говоря уже о пагубном влиянии всеобщей компьютеризации на умственные способности школьников (у детей, проводящих ежедневно более двух часов за компьютером, происходит истончение коры головного мозга). Одних лишь знаний (да и то сомнительных, разрозненных, несистематизированных) для жизни в обществе недостаточно – школа должна сформировать характер. Во взрослой жизни человека подстерегают не только те опасности и угрозы, о которых ему говорили на уроках по безопасности жизнедеятельности, но и опасность впасть в самую настоящую, невыдуманную депрессию из-за предательства друга, несчастной любви, публичного позора, крушения надежды, неспособности справиться с порученной работой (последнему в немалой степени способствуют наши школьные программы, не соотнесённые с реальными возможностями их освоения детьми). В депрессию впадают те, кто не умеет преодолевать и прощать обиды, выдерживать и “отпускать” стресс, хладнокровно анализировать критические ситуации, собственные мысли, чувства, поступки, контролировать эмоции. В российской школе этому не учат, а без этих навыков одинокий, растерянный, безвольный человек с завышенной самооценкой и необоснованными притязаниями рискует стать лёгкой добычей торговцев “быстрым счастьем”.

Выводы

1. Феномен наркокультуры функционирует и развивается не только как целостная, но и как внутренне дифференцированная система. Поэтому одним из факторов результативной борьбы с её мифами, стереотипами и идейными установками является исследование каждой из её подсистем.

2. В качестве основных духовно-аксиологических комплексов, мотивирующих поведение наркозависимых личностей, следует выделить эзотерическую, эстетическую, демонстрационную, гедонистическую и социально-протестную парадигмы. Доминирование одной из них в индивидуальной наркопрактике позволяет выделить соответствующие типы наркозависимых личностей и сделать борьбу с наркотизмом более таргетированной.

3. В реальной наркопрактике рассмотренные мотивационные парадигмы находятся в отношениях взаимозависимости и взаимообусловленности, что предполагает одновременное рассмотрение наркокультуры как единого целого.

4. Современные СМИ, литература и искусство не только отражают наркокультуру, но и целенаправленно формируют её, выполняя социальный заказ наркодельцов и фармацевтических компаний.

5. Главным условием успешной борьбы с наркокультурой является массовое формирование наркоустойчивой личности. Для того, чтобы российская школа смогла решать эту задачу, необходима радикальная перестройка учебного процесса, направленная на органичное соединение образования и воспитания.

Литература

1. Абдрахманов Данияр. Демифологизация наркокультуры как детерминанта эффективной превенции наркотизма. URL: <http://i-gazeta.com/narkostop/30210.html>.

2. Галаганова С.Г. Язык СМИ и молодёжная политика в сфере культуры // Молодёжная политика. Коллективная монография в 5 тт. Т. 4. Молодёжная политика XXI века: ответы на вызовы времени / ред. И сост. А.Ф. Радченко. М.: Город 21 век, 2017. С. 136-144.
3. Галаганова С.Г., Коржавин Ф.В. Феномен терроризма сквозь приму истории // Формы, методы и технологии профилактики и противодействия проникновению идеологии экстремизма и терроризма в образовательную среду. М.: Экон-Информ, 2018. С. 33-39.
4. Кастанеда, Карлос. В 6 тт. Т. 1. Учение дона Хуана. Отдельная реальность / пер. с англ. М.: София, 2010. 416 с.
5. Кастанеда, Карлос. Путешествие в Икстлан. Сказки о Силе / пер. с англ. М.: София, 2019. 544 с.
6. Ключников, Юрий. Я в Индии искал Россию. Странствия по Ариаварте. М.: Беловодье, 2009. 288 с., ил.
7. Лири Т., Метцнер Р., Олперт Р. Психоделический опыт / пер. с англ. Киев: Ника-Центр, 2003. 224 с.
8. Лири, Тимоти. Испытание будущим / пер. с англ. М.: Ультра Культура, 2004. 448 с.
9. Лири, Тимоти. История будущего / пер. с англ. М.: Янус, 2006. 288 с.
10. Мяло К.Г. Под знаменем бунта : Очерки по истории и психологии молодёжного протеста 1950–1970-х годов. М.: Молодая гвардия, 1985. 287 с., ил.
11. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М.: Сретенский монастырь; Новая книга, 1996. 576 с.
12. Радеев А.Е. Наркотики и культура. URL: <http://www.ecad.ru/s004-2.html>.
13. Пашковский В.З., Зислин И.М. Религиозно-мистические состояния как психиатрическая проблема // Социальная и клиническая психиатрия. 2005. М. С. 81-89.
14. Слейгер, Лорин. Открыть ящик Скиннера / пер. с англ. М.: АСТ, 2007. 320 с.
15. Тард, Жан Габриэль. Законы подражания / пер. с фр. М.: Академический проект, 2011. 304 с.
16. Титов, Илья. Бориску на царство? // Завтра, июль 2019 г., № 26. С. 5.
17. Leary, Timothy. Changing My Mind, Among Others: Lifetime Writings. L.: Forgotten Books Publishers, 2018. 296 p.
18. McKenna D., McKenna T. The Invisible Landscape. N.Y.: Harper&Collins Publishers, 1993. 290 p.
19. McKenna, Terence. The Evolutionary Mind. Trialogues on Science, Spirit and Psychedelics. N.Y.: Monkfish Book Publishing, 2005. 300 p.
20. Walton, Stuart. Out of It: A Cultural History of Intoxication. L.: Three Rivers Press, 2003. 366 p.

Галаганова Светлана Георгиевна. SPIN-код: 3565-6466. E-mail: 23_polecat@mail.ru

Мананникова Дарья Александровна. SPIN-код: 6404-3824

E-mail: darya_manannikova@mail.ru

Дата поступления: 29.07.2019

Дата принятия к публикации 10.09.2019

MOTIVATIONAL-AXIOLOGICAL PARADIGMS OF DRUG CULTURE

DOI: 10.25629/HC.2019.09.06

Galaganova S.G., Manannikova D.A.

Moscow State Technical University N.E. Bauman

Abstract. The phenomenon of narcotism is not only an activity on the production, distribution and consumption of narcotic substances, but also a cultural and psychological phenomenon with its own values and motivations. Therefore, the fight against this social evil should be waged simultaneously in all possible directions, and above all, along the line of destruction of its cultural foundation. Functioning and developing as an integrated system, drug culture is notable for its internal heterogeneity: several basic axiological complexes that motivate drug use (drug practice) can be distinguished in it. These include the esoteric, aesthetic, demonstration, hedonistic and social protest paradigms. Sequentially examining each of them, the author at the same time emphasizes their close relationship and interdependence in the behavior of drug addicted individuals. Special attention is drawn in the article to the problem of the targeted formation of drug culture using modern manipulative technologies, to the direct dependence of its content on the financial interests of pharmaceutical companies. The effectiveness of the fight against drug culture has been put by the author in direct dependence on the education of a drug-resistant person, in connection with which the article gives a critical assessment of the practice of separation of education and upbringing in a Russian school.

Keywords. Narcotism, drug culture, drug addiction, drug experience, drug practice, drug motivation, drugproofness.

Galaganova Svetlana Georgievna. SPIN: 3565-6466. E-mail: 23_polecat@mail.ru

Manannikova Daria Alexandrovna. SPIN-код: 6404-3824

E-mail: darya_manannikova@mail.ru

Date of receipt 29.07.2019

Date of acceptance 10.09.2019